

Такая у меня сноха

Я когда женила сына, надеялась, что стану матерью его избраннице. Ведь есть же счастливые свекрови, которых невестки со дня свадьбы мамой зовут. Чем я хуже?

Живем мы в двухкомнатной квартире: себе – девятиметровку оставила, молодым – большую комнату отдала. Отремонтировала ее, коврами увешала и даже под ноги красивый ковер положила. Мебель лучшую поставила – живите!

Месяц живем, другой, присматриваюсь я к снохе и душой вяну: сынок, сынок, и где ж ты такую рохлю откопал?!

Маленькая, щупленькая, говорит тихо, медлительная. Мужа проводит на работу и уйдет в свою комнату. Нет, чтобы со мной на кухне посидеть, поговорить о чем-нибудь женском, чайку попить... Загляну к ним, а она лежит на диване, свернувшись клубочком. Стану поднимать – мне плохо, говорит. Беременная она, ну и что? «Беременность – не болезнь», – говорю. А она: «У меня токсикоз». Вот она, нынешняя молодежь! Слов мудреных нахваталась, чтобы ими лень свою прикрыть.

Я ее по-матерински учу: «Пока муж на работе, встань, приберись, ковры пропылесось, к ужину курицу зажарь, я купила». «Спасибо, – говорит, – не нужно курицу, Сережа просил салат Оливье сделать». Оливье! Что же это за еда для работающего мужчины?! Значит, материнская еда ему теперь поперек горла встала, если он эту пигалицу просит готовить... Ну, ладно! Проглотила я обиду. Курицу все же пожарила и демонстративно одна ее съела.

Как-то раз захожу к ним, смотрю: сумка большая стоит, битком набитая. Открыла ее – грязное белье: постельное, скатерти, полотенца...

– Ира, что это такое?! – спрашиваю с ужасом в голосе.

– Мы завтра с Сережей в прачечную самообслуживания пойдем – быстро, удобно, хорошо...

Ей-то хорошо, а сына моего кто пожалеет! Неделю работает, как вол, а в выходной, вместо отдыха – в прачечную, белье стирать? И потом, не мужское это дело.

– Ну-ка быстро вытряхивай сумку! Вот стиральная машина в ванной стоит. Ишь, что удумала – в прачечную!

– Это не я удумала, Сережа настоял. Мне тяжело большую стирку осилить, поясница болит...

В общем, заставила я ее белье перестирать, правда, помогла немного.

Сын на следующий день мне выговор сделал: ты, говорит, бессердечная, как могла так поступить?! А что я такого сделала? Стирка – обычная женская работа. Обиделась, неделю к ним в комнату не заглядывала.

А недавно очень уж долго сноха из комнаты не выходила – тишина такая, словно нет там никого. Приоткрыла дверь – сидит за столом, пишет что-то.

– Чего пишешь-то?

– Письмо маме.

– Молодец, что пишешь, мать забывать нельзя, – говорю, а сама через плечо ее заглядываю, любопытно же, что она пишет о нас. Смутилась она и ладошкой написанное прикрыла, я только несколько слов успела прочесть: «Да, свекровь моя – непростой человек...» Так и есть! Обо мне пишет, видно, жалуется матери. А на что жаловаться-то? Я грубого слова ей не сказала, все для них, для них и живу. А если когда замечание сделала, так на то я и мать, чтобы детей наставлять, учить их уму-разуму. Может, я не такая грамотная, как ее мать, а жизнь знаю.

Письмо это долго у меня из головы не выходило. Я все жду,

когда она меня «мамой» назовет, а она, оказывается, кляузы на меня своей матери пишет!

Третьего дня слышу из-за двери ее голос – удивилась: то слова из нее не вытащишь, а тут – сама с собой разговаривает. Вхожу. Сидит в кресле и сказку про репку вслух читает – с выражением!

– Ты кому это сказку читаешь?

– Ему, – она ласково улыбнулась и нежно погладила живот.

– С ума спятила? Что он понимает-то, когда его еще нет?!

Сноха даже зарделась от обиды.

– Как же – нет?! Он все чувствует – любят его или нет, переживает, когда мне плохо. Он все воспринимает...

– Ты, чем ерундой голову себе забивать, лучше собери нужные вещи – завтра раненько на дачу поедем. Все люди уже картошку посадили, а у нас даже не копано.

Денек выдался теплый, солнечный, копалось легко и весело. На даче всегда настроение хорошее – прилив жизненных сил ощущается. Я радовалась – одним днем управимся: Сергей копает, я лунки делаю, Ира раскладывает картошку, я загребаю и разравниваю. Сергей рассудил иначе: Ира – отдыхает, а мы – работаем.

Я зашипела, чтоб она не слышала:

– Что ты носишься с ней, как с писаной торбой? Чем больше физических нагрузок, тем легче рожать будет!

Но сын стоял на своем. Мы с ним копали, а его любезная сидела рядом на скамеечке.

Вдруг моя лопата вошла во что-то мягкое – мышиное гнездо! Мышь, ошалевшая, выскочила и помчалась по рыхлой земле. Спасаясь бегством, она теряла какие-то маленькие комочки. Мы присмотрелись: это были крошечные мышата, голенькие, слепые,

недоношенные...

– Мамочка, какой ужас! Мамочка... Она была беременная! – вскрикнула, побледнев, Ира.

Только тут до меня дошло, что «мамочка» – это я. Это меня так назвала невестка. Впервые! Я растерянно взглянула на нее, хотела улыбнуться, успокоить, но... не успела. Ира, медленно оседая, вдруг начала заваливаться на бок.

– Мама, что с ней, она рожает?!?! – закричал Сергей.

Он поднял жену на руки и отнес в дом. Я принесла воду. Намочив платочек, прикладывала его ко лбу и вискам невестки. Го-о-споди, какая же она хрупкая...

Вдруг пришла страшная мысль: пережитое волнение может вызвать преждевременные роды.

– Сынок, заводи машину! – заорала я. – Едем в больницу!

Ира очнулась, положила руку на живог и прислушалась:

– Не надо в больницу. С малышом, кажется, все в порядке. А нам нужно же картошку посадить...

– Да гори она синим пламенем, эта картошка!

Сергей завел машину, мы осторожно усадили сноху и поехали. В больнице сказали, что понаблюдает ее несколько дней и, если все будет хорошо, выпишут.

Утром Сергей с утра пораньше в больницу поехал, а я дома по хозяйству хлопотала. Что ни делаю, чувствую, вроде как чего-то мне не хватает, а потом догадалась: ее-то и не хватает, молчуньи моей! Пусто без нее в квартире...

Сын вернулся домой повеселевший, говорит, через пару дней выпишут Иру. Слава Богу!

Решила я к возвращению снохи убрать в квартире как следует.

Прибираю на столе, вижу: пухлый конверт незапечатанный, глянула – матери ее адресовано. Знала, нехорошо письма чужие читать, но... не удержалась, решила из первых рук узнать, что есть на самом деле промеж нами.

Письмо оказалось длинным, но почерк – ровный, разборчивый, читалось легко:

«Дорогая моя, любимая мамочка! Твои письма для меня – большая радость, это как встреча с тобой, как глоток свежего воздуха...»

Скажите, пожалуйста! Чем же наш воздух ей плох?

«Милая моя, спасибо за советы, они мне очень помогают...»

Видишь, как получается: мамкины советы помогают, а свекровкины, выходит дело, мешают...

«Ты волнуешься о моем самочувствии, поверь, оно – отличное. Как страшный сон остались позади первые четыре месяца токсикоза, а сейчас – все хорошо. Врачи говорят, что наш малыш развивается нормально. Знаешь, он очень хорошо чувствует музыку, весь в тебя! И сказки любит слушать...»

Ну, это... даже не знаю, как назвать. Чудит девка!

Ага, вот про сына: «Ты спрашиваешь, понимает ли муж мое состояние? Не волнуйся, мамочка, муж у меня за-ме-ча-тельный!»

Тут ты, девонька, права. Счастливый билет вытащила.

«В этом письме, как и в предыдущем, я снова почувствовала тревожные нотки, когда ты спрашивала о моих взаимоотношениях со свекровью...»

Вдруг мне стало страшно. Может, не надо читать? Ведь лучше, когда не знаешь. Ну, зачем тебе эта правда? Не читай!

Я дрожащими пальцами запихнула письмо в конверт и спрятала его под книжку. Включив пылесос, яростно водила щеткой по ковру, но письмо тянуло меня, мучило. Закончив работу, долго сидела в

кресле, потом резко встала, взяла письмо и стала читать дальше:

«Да, свекровь моя – непростой человек. Она относится к типу людей, с которыми нужно пуд соли съесть, чтобы узнать их сущность. Я уже писала тебе, что наше первое впечатление о ней оказалось обманчиво, и теперь, пожив с нею полгода бок о бок, заверяю тебя: Мария Александровна – удивительная женщина! Она если полюбит человека, жизнь на плаху за него положит. Но ее любовь нужно заслужить. У нее свое видение жизни, в чем-то нам непонятное, устаревшее, но справедливое. Да, она грубовата, но добра и искренна во всем, даже в своих заблуждениях. Свекровь – верный и надежный человек. Мамочка, ты меня, конечно, поймешь и не обидишься за то, что я называю ее мамой. Правда, пока не вслух. Она еще не воспринимает меня как свою дочь. Но время все расставит по местам, я уверена. И чтобы навсегда закрыть волнующую тебя тему, скажу: какой бы она ни была, она достойна любви и уважения уже за то, что родила и воспитала самого прекрасного на земле мужчину – моего мужа».

Все это я прочитала залпом, даже задохнулась. Это надо же, как она меня по косточкам разложила. Я сама про себя того не знала...

– Детонька моя, милая ... А ты, старая курица, учить ее жизни собралась... Прости меня за ангельское терпение твое.

Я до вечера сидела в их комнате, вспоминала всю свою жизнь и спрашивала себя: а что хорошего в ней было? И знаете что открылось? Все-все самое лучшее и самое трудное, что в жизни было, с сыном связано. Без него и вспомнить нечего. Выходит, в детях наша самая большая радость и самая большая боль. Они-то, дети, оказывается, умнее нас, потому что вглубь и вдаль смотрят, а мы всё назад оглядываемся, да все на свой аршин меряем. Где уж понять друг друга!

Через два дня молодые приехали. Сережа оживлен, радостью светится, а Ира молчит, улыбается, ходит по квартире и все

рассматривает.

– Ай, потеряла что, детка моя? – спрашиваю.

– Соскучилась, – отвечает.

А потом озорно так:

– Мама, мы с Сережей торт привезли. Попьем чайку?

Сидели мы втроем на кухне, пили чай, разговаривали, и мне вдруг показалось, что ради этих вот счастливых минут я, наверное, свою жизнь и прожила.

– Прости, дочка, но письмо твое маме я... того... отправила...

– Я не успела. Спасибо! – понимающе улыбнулась она.

– Это тебе спасибо...

А про себя подумала: «И мышке – тоже».

С такой любовью, как мать,
С таким доверием, как дети,
Ты помоги, Господь принять
Все, чем здесь путь Ты мой отметил.
Без «почему?» и без «зачем?»
Не прекословя и не споря,
Как я дышу, как пью и ем,
Так помоги принять и горе.
В надежде, что когда-нибудь
Откроешь то, что скрыто тайной,

И что пройденный мною путь
Мне ранил ноги не случайно.
Что каждый камень на пути
И каждый шип, и каждый узел
Мне помогал вперед идти.
Не расширял мой путь, а узил.
Что каждый миг, и каждый шаг,
Предсмертный стон или улыбка
В Твоих руках, в моих путях
Большая цель, а не ошибка.
Что каждой новою бедой
Ты пробуждал от сонной лени,
Когда сажал на хлеб с водой
И ставил в угол на колени.
Что просьбы все мои подряд
Ты восполнял с большим стараньем.
Не Ты был в этом виноват,
Что я нуждался в наказаньи.
С Тобой мне жить и умирать
На сей земле, под небом этим
С такой любовью, как мать,
С таким доверием, как дети.

***

Лидия Нейкурс